

ВДАЛЬ ВЛЕКОМЫЕ

Один случай поэтической полемики Блока и Белого с Вяч. Ивановым

К. Ф. Гараковский

Кэмбридж, Массачусетс

Манящие дали — розовые, голубые, золотистые; пустынные и спокойные; прекрасные и недостижимые; необъятные, туманные, очарованные — один из основных образов символистской модели мира. Было бы очень интересно разобрать этот символ во всей его сложности. Но в настоящей заметке мы можем ограничиться только одним случаем поэтической полемики, или, скорее, поэтической беседы на эту тему, между тремя главными представителями так называемого младшего поколения русских символистов.

Поводом к этой беседе послужило стихотворение Вячеслава Иванова "Голоса" (первое стихотворение цикла "Геспериды" из сборника *Кормчие звезды*, 1903 год):

Муз моих вещунья и подруга,
Вдохновенных спутница Мэнад!
Отчего неведомого Юга
Снится нам священный сад?

И о чем над кущей огнетканной
Чутколистый ропщет Дионис,
И, колебля мрак благоуханный,
Шепчут лавр и кипарис?

И куда лазурной Нереиды
Нас зовет певучая печаль?
Где она, волшебной Геспериды
Золотящаяся даль?

Тихо спят кумиров наших храмы
Древних грез в пурпуровых морях;
Мы вотще сжигаем фимиамы
На забытых алтарях.

Отчего же в дымных нимбах тени
Зыблются, подобные богам,
Будят лир зефирострунных пени —
И зовут к родным брегам?

И зовут к родному новоселью
 Неотступных ликов голоса,
 И полны таинственной свирелью
 Молчаливые леса?..

Вдаль влекомы волей сокровенной,
 Пришлецы неведомой земли,
 Мы тоскуем по дали забвенной,
 По несбывшейся дали.

Душу память смутная тревожит,
 В смутном сне надеется она;
 И забыть богов своих не может, —
 И воззвать их не сильна!

Сергей Маковский комментирует это стихотворение следующим образом: "Какое исчерпывающее признание! Поэт не может забыть античных богов, хоть не силен воззвать (воскресить) их. Попыткой их воскрешения в сущности и была мифотворческая поэзия Вячеслава Иванова. Религиозной жадной томится и он, как многие христианствующие интеллигенты того времени [...], но христианином Вячеслав Иванов еще не был" (*Портреты современников*, Нью-Йорк, 1955, стр. 283). Схожую мысль высказал и Сергей Аверинцев в предисловии к *Стихотворениям и поэмам Вячеслава Иванова* в малой серии Библиотеки поэта (1976, стр. 21): "Язычество поклонников Диониса и столь мало с ним соединимое христианство блаженного Августина или святого Бенедикта — в равной мере 'кормчие звезды' поэта".

На первый взгляд — пространство и время в стихотворении Иванова мифологические: золотой век Эллады со священным садом Гесперид. Сначала нам может показаться, что взор поэта обращен только в прошлое. Но предпоследняя строфа стихотворения переносит нас в современность и даже как будто бы указывает на будущее: "*Вдаль влекомы волей сокровенной, / Пришлецы неведомой земли, / Мы тоскуем по дали забвенной, / По несбывшейся дали*". Если забвенная, несбывшаяся даль в прошлом (она же "золотящаяся даль волшебной Геспериды"), то эта манящая даль, в настоящий момент влекущая к себе "пришлецов неведомой земли", во временной перспективе — скорее всего образ будущего. В своей метафорической концепции причинности и времени Иванов употребляет два "технических термина": Роя ("поток") и Антирроя ("противотечение"). Первый термин вводится для обозначения "потока причинности, воспринимаемого нами во временной последовательности движения из прошлого в будущее; второй — встречного потока причинности, нами непосредственно не сознаваемого, но постулируемого как движение из будущего в прошедшее. Каждое явление столь же обусловлено связью следующих за ним по времени явлений, сколь преемственностью явлений, ему предшествующих... Каждый миг явленного бытия, будучи результатом двух выше различных причинностей, есть как бы чадо брака между причинами женского порядка (Роя) и порядка мужского (Антирроя) или же подобие электрической искры, возникающей из соединения противо-

ложных электричеств”¹. Принимая во внимание это авторское объяснение, мы должны прийти к выводу, что пространство и время ”Голосов” не только мифологические, но и метафизические.

Первым откликнулся на ”Голоса” Блок в стихотворении ”Осенняя воля” (июль 1905 года):

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или – каменным путем влекомый
Нищий, распеваящий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака,

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

¹ ”Примечание к поэме: ’Сон Мелампа’”, *Собрание сочинений*, II (1974), стр. 300. Тема обратного течения времени наиболее ярко выражена у Вяч. Иванова в ”Свете вечернем” (”Могила”, стр. 38): ”Тот вправе говорить: ’я жил’, / Кто знает милую могилу; / Он в землю верную вложил / Любви нерасточенной силу. // Не оскудеет в нем печаль, / Зато и жизнь не оскудеет; / И чем он дольше сиротее, / Тем видит явственнее даль. // Бессмертие ль? О том ни слова. / Но чувствует его тоска, / Что реет к родникам былого / Времен возвратная река”. Отметим попутно и две реминисценции в этом стихотворении: из Тютчева (”Пускай скудеет в жилах кровь, / Но в сердце не скудеет нежность”) и, конечно, из ”Реки времен” Державина. Укажем также на образ дали, переключившийся с далью из ”Голосов”. Ср. также в стихотворении ”Деревья” (стр. 53–56): 1) ”...Встают, средь милых сердцу встреч, / Обличья душ, лишь Памятью живущих / (Им не дано вспоминать, но течь / В ее русле им значит жить), текущих / К истоку дней...”; 2) ”И вот река течет бессмертным лугом, / К началу вверх, откуда ключ забил... // То памяти река”.

Много нас – свободных, юных, статных –
 Умирает не любя...
 Приюти ты в даях необъятных!
 Как и жить и плакать без тебя!

Во-первых, "Осенняя воля" содержит явную переключку с "Голосами" – пассивную конструкцию с страдательным причастием от глагола *влечь*: "каменным путем *влекомый*" – "вдаль *влекомы* волей сокровенной". Затем, золотящаяся, забвенная и несбывшаяся даль в "Голосах" переключается с необъятными далями в "Осенней воле", а печаль лазурной Нереиды – с печалью русских нив. И, наконец, шести риторическим вопросам Иванова (в 1-й, 2-й, 3-й, 5-й и 6-й строфах) у Блока соответствует только один: "Кто взманил меня на путь знакомый?" На этом, пожалуй, лексическое и синтаксическое сходство двух стихотворений кончается. Различий между ними гораздо больше. Коллективному *мы*, означаящему "пришлецов неведомой земли" (*мы* сжигаем, *мы* тоскуем) Блок противопоставляет индивидуальное *я* (*выхожу я* в путь, кто взманил *меня*, усмехнулся *мне*, *иду я* в путь, земля да будет *мне* легка, [*я*] буду слушать, [*буду*] отдыхать, [*я*] запою, *я* молодость сгубил, [*я*] заплачу, [*я*] полюблю). И только в последней строфе появляется множественное число (много *нас*), но в ней речь идет не о каком-нибудь коллективе единомышленников, а о людях, имеющих схожую судьбу, но, вероятно, и не знающих друг о друге: "Много *нас* – свободных, юных, статных – / Умирает не любя...". Ивановскому красочному южному ландшафту Эллады Блок противопоставляет свой скудный, северный, русский пейзаж. Если у Иванова находим священный сад неведомого Юга, огнетканную кущу, благоуханный мрак, лавр и кипарис, то у Блока встречаем ветер, гнуший упругие кусты, битый камень по косогорам, скудные пласты желтой глины, мокрые доли, красный цвет густых рябин. Метафизическому пространству у Иванова Блок противопоставляет реальный простор своей родины.

Стихотворение Иванова статично: из четырнадцати спрягаемых глагольных форм – все несовершенного вида и все в настоящем времени. Двенадцать из них – в третьем лице (четыре в единственном числе, восемь во множественном) и только две упомянутые выше формы – в первом лице множественного числа. Во всем стихотворении нет ни одного глагола движения. И даже в предпоследней строфе, после первых двух строк: "Вдаль *влекомы* волей сокровенной, / *Пришлецы* неведомой земли" вместо ожидаемого активного "мы идем" неожиданно находим пассивное: "мы тоскуем". Собратья поэта, от имени которых он говорит, отличаются бездействием и бессилием, особенно ярко выраженным в последней строфе.

Стихотворение Блока, напротив, динамично. Первое слово в нем – глагол движения в настоящем времени: "*Выхожу я* в путь, открытый взорам". Эта строка несколько варьируется в начале пятой строфы: "Нет, *иду я* в путь никем не званный". И в той же пятой строфе (а также и в шестой) настоящее время глаголов первого лица единственного числа заменяется будущим: *буду* слушать, [*буду*] отдыхать, запою, заплачу, полюблю. Мысль и взор поэта направлены вперед, в будущее.

Как известно, "Осенняя воля" включается в традицию лермонтовского знаменитого стихотворения, написанного пятистопным хореем, с динамической темой пути: "Выхожу один я на дорогу, / Предо мной кремнистый путь блестит" и статической темой жизни: "Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть"². Фактически, стихотворение Блока по тематике ближе Лермонтову, чем Иванову. Путь ("кремнистый" у Лермонтова, "каменный" у Блока) – центральный образ обоих стихотворений. Но в отличие от Лермонтова тема пути у Блока тесно переплетается с темой родины. Эта тема в "Осенней воле", может быть, содержит и одну реминисценцию из другого знаменитого стихотворения Лермонтова, из его "Отчизны": "голос Руси пьяной" у Блока перекликается с "говором пьяных мужичков" у Лермонтова.

Блок часто пользовался в статьях образами из своих стихотворений. И образы из "Осенней воли" повторяются и раскрываются во второй главке статьи 1906 года "Безвременье"³. Ко второй и третьей строкам поясняющим комментарием могут послужить следующие строки "Безвременья": "Открытая даль. *Пляшет Россия* под звуки длинной и унылой песни о безбытности, о протекающих мигах, о пробегающих полосатых верстах. Где-то *вдали* заливается голос или колокольчик, а еще дальше как рукавом машут рябины, все осыпанные красными ягодами. Нет ни времен, ни пространств на этом просторе". "Каменным путем влекомый нищий, распеваящий псалмы", – очевидно, прообраз бродяг из "Безвременья", покинувших "города-пауки": "Существа, вышедшие из города, – бродяги, нищие духом. Привычный, далеко убегающий, струящийся по равнинам каменный путь, и, словно приросшее к нему, согнутое вперед очертание человека с палкой и узелком. 'За мною грохочущий город / На склоне палящего дня'...⁴ Днем и ночью, в октябрьскую стужу и летний жар, бредут здесь русские люди, без дружбы и любви, без возраста – потомки богатырей... Но они блаженные существа. Добровольно сиротей и обрекая себя на вечный путь, они идут куда глядят глаза. И глядят они прямо перед собой, на каменный путь по бескрайним

² См. нашу статью "О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики", *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists* (1963), 287–322.

Что же касается стихотворения Иванова, написанного тоже четверостишиями, в которых три пятистопных хореев замыкаются одним четырехстопным (как, например, в "Колоднике" Фета), его никак, несмотря на размер и статическую тему жизни, нельзя включить в "лермонтовский цикл", так как динамическая тема пути в нем начисто отсутствует.

³ "С площади на 'Луг зеленый'" (*Собрание сочинений*, том пятый, 1962, стр. 71–75). "Луг зеленый" (заглавие статьи Белого 1905 года) – образ России. Эта статья произвела на Блока сильное впечатление. См. его письмо Белому от 2-го октября 1905 г.

⁴ Эти две строки – начало стихотворения Белого "Шоссе", датированного августом 1904 года. Человек с палкой и узелком изображен в третьей строфе: "Иду. За плечами на палке / Дорожный висит узелок". Еще до появления темы странничества у Белого и Блока поэт-символист Александр Добролюбов "ушел в народ". Не исключено, что его пример подсказал Белому и Блоку тему ухода.

равнинам России". Наконец, к "необъятным далям" из последней строфы "Осенней воли" можем привести следующий отрывок из "Безвременья": "Вот русская действительность — всюду, куда ни оглянешься, — *даль, синева и щемлящая тоска неисполнимых желаний*. Когда же наступит вечер и туманы оденут окрестность, — *даль станет еще прекраснее и еще недостижимее*". Не "забыться и заснуть" мечтает поэт; он стремится исчезнуть в необъятных просторах родины, слиться с ними, раствориться в них. Итак, основная тема "Осенней воли" — тема ухода⁵.

Эта тема ухода, бегства из города нередко встречается в поэзии раннего Белого. Еще до вышеупомянутого "Шоссе" Белый написал в июне 1904 года стихотворение "Изгнанник" — вариацию на тему лермонтовского "Пророка":

*Покинув город, мглой объятый,
Пугаюш шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.*

*Там я года твердил о вечном —
В меня бросали вы камнями.
Вы в испуглены скоротечном
Моими тешились мученьями.*

*Я покидаю вас, изгнанник, —
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу — согбенный, бледный странник —
Меж золотистых хлебных пажитей.*

Стихотворение "Жизнь", написанное в августе 1906 года, может быть воспринято, как продолжение "Изгнанника":

*Всю-то жизнь вперед иду покорно я.
Обернуться, в спясть идти нельзя.
Вот она — протоптанная, торная,
Жаром пропыленная стезя.*

*Кто зовет благоуханной клятвою,
Кто зовет в безбрежность отойти,
Чтобы в день безветренный над жатвою
Жертвенною кровью изойти.*

⁵ К этой теме поэт не раз будет возвращаться, даже через много лет (см., напр., стихотворение 1914 года "Ветер стих"). Особенно важное место в развитии этой темы занимает стихотворение, помеченное 2 февраля 1909 года: "Под шум и звон однообразный, / Под городскую суету / Я ухожу, душою праздный, / В метель, во мрак и пустоту...". И в этом стихотворении тема ухода (и возможного возврата) соединяется с темой родины: "Ты, знающая дальней цели / Путеводительный маяк, / Простишь ли мне мои метели, / Мой бред, поэзию и мрак? // Иль можешь лучше: не прощая, / Будить мои колокола, / Чтобы распутница ночная / От родины не увела?"

Лучевые копыя, предзакатные,
Изорвали грудь своим огнем:
Напоили волны перекатные
Ароматно веющим вином.

Что зарей вечернею, зеленою
Славословит, рвется из груди?
Оборвутся полосой студеную
Надо мной хрустальные дожди.

Всё поля – кругом поля горбатые,
В них найду покой себе – найду:
На сухие стебли, узловатые,
Как на копыя острые: паду..

Во-первых, "Жизнь", написанная пятистопным хореем, естественно включается в так называемый лермонтовский цикл в русской поэзии⁶. Во-вторых, "Жизнь" является прямым ответом Вяч. Иванову (которому она и посвящена) и в то же время косвенным ответом Блоку. Это стихотворение Белого содержит поэтические реминисценции и из Блока, и из Лермонтова. Так, риторический вопрос во второй строфе: "Кто зовет благоуханной клятвою / Вздохом сладко *вдаль зовет идти*" явно вторит вопросу Блока: "Кто *взманил* меня на путь *знакомый*". "Кремнистому" или "каменному" пути Лермонтова или Блока у Белого соответствует "горная, жаром пропыленная стезя". А глагол движения в первом лице настоящего времени находится у всех трех поэтов уже в первой строке. Первые два стиха последней строфы: "Всё поля, кругом поля горбатые, / В них *найду покой себе – найду*" являются прямым ответом на лермонтовское: "Я *ищу* свободы и *покоя*", а последних два стиха, может быть, вторят лермонтовской строке из юношеских "Стансов" (1831 года): "Пусть паду, как ратник в бранном поле".

Итак, убежденные соловьевцы, Блок и Белый в своем ответе Иванову противопоставляют его эллинизму и дионисийству национальную тему, тему родины, уже назревающую в их творчестве⁷. "Осенняя воля" Блока предвещает стихи 1907–1908 гг., объединенные позже в цикл "Родина" (1907–1916), а "Жизнь" Белого – тематику *Пепла*.

⁶ "Жизнь" – первое стихотворение Белого, написанное пятистопным хореем. До 1909 года Белый к этому размеру не возвращался. От других стихотворений "лермонтовского цикла" оно отличается дактилическими окончаниями в нечетных строках.

⁷ В поэтической беседе с Ивановым Блок и Белый полемизируют только с его "Голосами", а не с его поэзией вообще. В статье 1905 года "Творчество Вячеслава Иванова" Блок совершенно определенно говорит и о народных истоках его поэзии: "Постепенно уходя, удаляясь на свидание с целомудренной, 'непонятной людям' Музой своей, Вяч. Иванов намечает ряд переходов *от берега вдаль*. Мы будем следовать за ним. Еще на берегу запекает он ту песню, которую пели многие кормишки наши: Тютчев, Хомяков, Вл. Соловьев: это песня о родине, вера в ее крепость. Это – религиозно-славянофильская поэзия; конец ее длинной цепи приемлет и Вяч. Иванов, примыкая к ходу истории" (*Собрание сочинений*, том пятый, 1962, стр. 12).

Нельзя не заметить, что поэтическая посылка "Жизни" Белого несколько отличается от "Осенней воли" Блока. Если Блок стремится найти приют в необъятных даях родины, Белый видит цель своего жизненного пути в служении и жертве:

Кто зовет благоуханной клятвою,
Вздохом сладко вдаль зовет идти,
Чтобы в день безветренный над жатвою
Жертвенною кровью изойти?

Идея поэтического творчества, как пророческого подвига и искупительной жертвы, вообще характерна для многих русских поэтов XX века, в том числе для Иванова, Блока, Белого, Маяковского, Пастернака и многих других. Но это уже новая — интересная и обширная тема.